

И.В. Логвинова

**ЧЕЛОВЕК КАК «МАШИНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА»
(А.И. СОЛЖЕНИЦЫН И Ю.В. КОЗЛОВ)**

Аннотация. В статье рассматривается творческая переключка А.И. Солженицына (роман «В круге первом») и Ю.В. Козлова (роман «Колодец пророков») в осмыслении темы личного и общественного предательства как движущей силы истории.

Ключевые слова: русская литература XX в.; А.И. Солженицын; Ю.В. Козлов; поэтика.

Logvinova I.V. A man as «machine of treachery» (A.I. Solzhenitsyn and U.V. Kozlov)

Summary. The article focuses on the creative call of A.I. Solzhenitsyn (novel «In the first circle») and Yu.V. Kozlova (novel «The Prophet's well») in the understanding of personal and public betrayal as a force of history topics.

Keywords: Russian literature of the XX century; A.I. Solzhenitsyn; Yu.V. Kozlov; poetics.

В многоплановом, поднимающем многие философские и этические проблемы романе Ю.В. Козлова «Колодец пророков» (1996) звучит тема, являющаяся одной из вечных, ключевых тем в истории русской литературы, – тема совести и предательства. Очень интересно, что в подобном же ключе эта тема прозвучала ранее в романе А.И. Солженицына «В круге первом» (1968). Однако у Солженицына она не является в романе основной, она только затронута и брошена, как эпизод, связанный с работой Рубина над идентификацией голоса преступника; внимание автора сосредоточено в основном на

описании работы органов Госбезопасности, Марфинской шарашки и ее обитателей, лагерной системы. Основная тема совести и предательства как раз выступает в произведениях Ю.В. Козлова («Колодец пророков», «Геополитический романс»), и как раз при чтении этих книг невольно актуализируется в памяти эпизод романа «В круге первом», где речь идет о создании новой науки, фотоскопии, и об этической стороне научного прогресса.

Нам показалась интересной такая переключка двух авторов в осмыслении темы предательства, понимаемой ими по-разному. У Солженицына речь идет о сталинских лагерях и советской эпохе. У Козлова же действие романа происходит в 90-е годы, в период распада советской системы. Однако в обоих произведениях понятие предательства осмысляется главными героями в философском ключе.

Ю.В. Козлов определяет предательство однозначно. В его романе генерал Толстой провозглашает: «Человек <...> есть не что иное, как машина предательства. <...> Общественный прогресс, майор, – это движение по спирали предательства. Сначала они предали своих каменных идолов. Потом – богов, олицетворяющих природу. Потом этого со шрамом на губе... как его... Иисуса Христа. Они его вообще восприняли только через предательство!.. Человечество <...> сейчас изнывает от коллективного бессознательного стремления предать Христа. Машина предательства, майор, – движущая сила истории»¹.

Если рассматривать роман Солженицына сквозь призму проблемы предательства, то можно проследить мысль о предательстве, высказываемую уже в самом начале книги, когда накануне нового года лейтенант Кулешов случайно засек разговор государственного советника Иннокентия Володина с иностранным атташе. Тема предательства возникает при анализе этого эпизода. Вначале мы видим внутренний монолог Иннокентия, который собирается сообщить в иностранное посольство о готовящейся передаче советскому агенту Ковалю важных технологических деталей производства атомной бомбы. Иными словами, советский дипломат, случайно подслушавший эту секретную информацию, собирается предать Родину. При этом автор не осуждает его, а скорее оправдывает. Внутренний монолог Володина является отражением убеждений самого автора (если сравнить с эпизодами, в которых с явным неодобрением описывается советский режим, особенно

секретные «шарашки», в которых бесплатно эксплуатируется труд свободомыслящих ученых, попавших в сталинские лагеря). Володин мучается одним вопросом: «Позвонить или не позвонить? Сейчас обязательно? Или не поздно будет там?.. в четверг – в пятницу?.. <...> Неужели есть средства дознаться, кто звонил из автомата? Если говорить только по-русски? Если не задерживаться, быстро уйти? Неужели узнают по телефонному сдавленному голосу? Не может быть такой техники...»² Следующий эпизод показывает машину предательства в действии. Дипломат предал Родину, а лейтенант, прослушивающий телефоны посольства, остается ей верным, хотя у него и мелькнула мысль о предательстве: «Кулешов сперва подумал стереть запись и скрыть свою оплошность. Но тут же вспомнил, как начальник не раз говорил, что работа их поста дублируется автоматической записью еще в одном месте...»³ Описывая, как легко тоталитарная машина распоряжается человеческими судьбами (за отказ сотрудничать со следственными органами инженер-полковник Яконов пишет в своем настольном блокноте: «Нержина – списать»)... Этот Нержин не захотел переходить в другую лабораторию потому, что был влюблен в сотрудницу Акустического отдела). Солженицын оправдывает предателей, которые работают против Советского Союза. Образы чекистов в романе напоминают марионеток в руках кукловода Сталина. Они живут не своей жизнью, запуганные и ничтожные, разговаривающие казенным сухим языком, в отличие от эковученых, которые иронизируют, шутят, ведут себя естественно и бесстрашно и на фоне чекистов выглядят чуть ли не героями. Образ предателя-дипломата Володина также написан в героическом ключе: юноша-интеллектуал, одетый во все «западное», из интеллигентной семьи со старинными альбомчиками и дорогими сердцу семейными преданиями и т.п. («Несколько суток просидел он так на скамеечке у распахнутых шкафов, дыша, дыша и отравляясь этим воздухом, этим маминым мирком, в который когда-то отец его, опоясанный гранатами, в черном дождевике, вошел по ордеру ЧеКа на обыск. В пестроте течений, в столкновении идей, в свободе фантазии и тревоге предчувствий глянула на Иннокентия с этих желтеющих страниц Россия Десятых годов, последнего предреволюционного десятилетия, которое Иннокентия в школе и в институте приучили считать самым позорным,

самым бездарным во всей истории России. <...> Иннокентий понял, что был обокраден до сих пор»⁴.) Невольно читатель должен сочувствовать этому персонажу, что и происходит при первом чтении романа. Читатель сочувствует и Володину, и ни в чем не повинному его товарищу, которому тот своим предательством разрушил карьеру, невольно потянув за собой в лагеря, поскольку товарищ тоже попал в список из пяти подозреваемых.

Так, объясняя задачу, которую предстоит решать Рубину, генерал выражается канцелярским языком: «Так вот, советское правительство и наши органы считают возможным оказать вам доверие. С этого магнитофона вы сейчас услышите государственную тайну мирового масштаба. Мы надеемся, что вы поможете нам изловить этого негодяя, который хочет, чтоб над его родиной трясли атомной бомбой...»⁵ Рубин в прошлом – такой же чиновник, как и его тюремщики. Солженицын кратко описывает историю его разжалования, вписывая ее между строк его внутреннего монолога при прослушивании магнитофонной записи разговора: «Его переполняло, разрывало. Разжалованный, обесчещенный – вот понадобился и он! Вот и ему сейчас доведется посильно поработать на старуху-Историю. Он снова – в строю! Он снова – на защите Мировой Революции! Угрюмым псом сидел над магнитофоном ненавистный Смолосидов. Чванливый Бульбанюк. <...> Они были отвратительны Рубину, смотреть на них не хотелось. Их рвануть бы прямо тут же, в кабинете, ручной гранатой! Но так сложилось, что объективно на данном перекрестке истории они представляют собою ее положительные силы, олицетворяют диктатуру пролетариата и его отечество. И надо стать выше своих чувств! И им – помочь!»⁶ В конце романа мы узнаем, что за помощь Родине Рубина, вместо благодарности, снова отправили в лагеря. Такова, по Солженицыну, справедливость в советском государстве.

Не задумываясь о предательстве, убежденный коммунист и патриот Рубин тут же берется за работу: определить, кто из пятерых подозреваемых позвонил в посольство. И тут тема предательства приобретает новый разворот: кто из них является предателем – ученый, взявшийся раскрыть имя преступника, расшифровав и идентифицировав его голос, или преступник, предупреждающий чужое государство о секретной операции, проводи-

мой агентом его Родины. При этом Солженицын делает акцент на азарте Рубина: «Азарт исследователя загорался в нем. По сути, это новая наука: найти преступника по отпечатку его голоса. До сих пор находили по отпечатку пальцев. Назвали: дактилоскопия, наблюдение пальцев. Она складывалась столетиями. А новую науку можно будет назвать голосо-наблюдение (так бы Сологдин назвал), фоноскопия. И создать ее придется в несколько дней»⁷. Автор не дает тут развернутых внутренних монологов ученого. Ему достаточно того, что Рубин – такая же часть государственной машины, как и его начальник и тюремщики. Совсем иначе выглядят Володин и Нержин, противостоящие системе.

В романе есть еще один эпизод, связанный с темой предательства. Это незавершенный спор Рубина с Нержиным. Рубин спрашивает: «Значит, пусть этот прыщ отдает бомбу Западу?..», на что Нержин замечает: «Бомба – на Западе, ее там изобрели, а вы воруете»⁸. «Ты согласен получить Хиросиму? На русской земле?» – спрашивает Рубин, на что Нержин ему отвечает: «А по-твоему – воровать бомбу? Бомбу надо морально изолировать, а не воровать»⁹. Подобная убеждению Нержина мысль звучит и в размышлениях Володина: «Ты не дал украсть бомбы Преобразователю Мира, Кузнецу Счастья? – значит, ты не дал ее Родине! А зачем она – Родине? Зачем она – деревне Рождество? <...> Им нужны дороги, ткани, доски, стекла, им верните молоко, хлеб, еще, может быть, колокольный звон – но зачем им атомная бомба?»¹⁰. В этих мыслях Володина звучит тот же идеализм, что и в вере Нержина в помощь ООН, если вдруг какая-то из держав начнет угрожать другой державе атомной бомбой. Вспоминая мысль Ю.В. Козлова о том, что человек – машина предательства, нужно понимать, что никакого идеализма в вопросах госбезопасности не должно быть. Поэтому слова Рубина о том, что Хиросима на русской земле не нужна, звучат реалистически и трезво. Рубин понимает, что такое предательство и какую роль оно играет в истории, поэтому он убежден, что предатель должен быть найден и наказан.

Мысль о собственном предательстве смутно возникает у Рубина, когда он, отобрав двоих подозреваемых из списка, докладывает начальнику, что осталось только разобраться, кто из них двоих звонил в посольство. На это начальник говорит, что на это нет времени, и арестуют обоих подозреваемых. На это Рубин возражает:

«Но один из них будет невиновен!»¹¹. Эта мысль остается без развития, хотя сквозь ее призму можно осмыслить весь роман Солженицына как роман о предательстве, совершаемом и либералами, и патриотами. В романе намечена также тема предательства человека по отношению к самому себе. Так, Яконов, в душе будучи верующим человеком, но колеблющимся, стоя у развалин церкви, где когда-то встречался с любимой девушкой, по-видимому, переживает, что предал самого себя. А теперь он «был на вершине видимой власти. <...> Дома ждала его любящая жена, розово спали две прелестные девочки. Высокие в старом московском здании комнаты с балконом составляли его превосходную квартиру. Измерялась во многих тысячах его месячная зарплата. Персональная “победа” дожидалась его телефонного звонка. А он стоял, локтями припад к мертвым камням, и жить ему не хотелось»¹².

Таким образом, мысль о том, что человек – машина предательства, высказанная в романе «Колодец пророков», о человеке как «машине предательства», на наш взгляд, актуализирует и выносит на первый план мысль о предательстве в романе Солженицына «В круге первом» (если у Козлова тема предательства – ключевая, пронизывает все смысловые слои его произведений, то у Солженицына она звучит как одна из мыслей, высказанных по ходу описания тоталитарной системы госбезопасности и подробного описания жизни и быта узников сталинских лагерей).

¹ Козлов Ю.В. Колодец пророков: Роман. Повесть. Рассказы. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 75.

² Солженицын А.И. В круге первом. М.: Дрофа, 2006. С. 36.

³ Там же. С. 41–42.

⁴ Там же. С. 459.

⁵ Там же. С. 269.

⁶ Там же. С. 270.

⁷ Там же. С. 272.

⁸ Там же. С. 363.

⁹ Там же. С. 363.

¹⁰ Там же. С. 639.

¹¹ Там же. С. 654.

¹² Там же. С. 197.